

Юнь Си внезапно почувствовал, как мир поплыл перед глазами, и не мог поверить в происходящее.

Он пребывал в полном смятении.

С тех пор как наставница подобрала его и привела в Секту Гуйюань, он считал Пик Малого Бамбука своим домом. Пусть наставница была строга, у него и в мыслях не было её покинуть.

Он никак не ожидал, что однажды она вот так просто от него откажется.

— Наставница... почему... за что? — Юнь Си поднял взгляд на Бай Чи. В этот миг он словно снова превратился в того маленького бродяжку, что слонялся по улицам, не зная, куда податься.

На лице его застыло выражение растерянности, а сердце сжималось от страха.

Если бы это случилось до того, как она уединилась для культивации, Бай Чи, возможно, поверила бы его игре. Но теперь, переродившись, она лишь равнодушно бросила на него взгляд:

— Верни жетон.

Если бы не та книга, Бай Чи, возможно, до самой своей смерти в прошлой жизни не догадалась бы, что именно её второй ученик, Юнь Си, подал идею отравить её.

Тот яд гу — страшнейший из всех, что когда-либо культивировал Янь Цун. Он растворялся в воде мгновенно, и стоило его проглотить, как жертву ожидала мучительная агония: ни умереть, ни выжить. Человек корчился в страданиях до тех пор, пока не выпускал дух, и даже бессмертные небожители не смогли бы помочь.

Хань Цзиньчжоу неотрывно смотрел на крайнюю левую нефритовую подвеску на подносе.

Это была реликвия его матери.

Когда-то он был принцем одного из человеческих государств, его мать — любимой наложницей императора, но позже, из-за обвинений в заговоре против наследника, её сослали в холодный дворец.

После её смерти все вещи были разграблены слугами, и лишь эту подвеску он сумел сберечь, как единственную память о ней.

Даже когда евнухи издевались над ним в холодном дворце, он не доставал её. Даже когда братья по отцу унижали его, он прятал её глубоко внутри.

В тот день, на церемонии посвящения, под сводами зала лилась божественная музыка, и вторили ей крики тысячи журавлей.

Юный Хань Цзиньчжоу шаг за шагом поднимался на высокий помост, чтобы совершить поклон своей наставнице.

Бессмертный коснулся его головы, благословляя на долгий путь.

Наставница дала ему жетон, а он в ответ подарил ей свою самую ценную вещь — нефритовую

подвеску.

Он помнил тот день в деталях.

Наставница взяла его за руку и с улыбкой сказала: С сегодняшнего дня Пик Малого Бамбука станет твоим домом.

Хань Цзиньчжоу опустил голову, скрывая чувства в глубине глаз.

Он шагнул вперед, забрал подвеску и спрятал её на груди, затем отстегнул от пояса жетон, вырезанный рукой наставницы, долго смотрел на него и наконец положил обратно на поднос.

Бай Чи опустила веки, и в памяти вновь всплыли картины прошлого.

Маленький Хань Цзиньчжоу, держащий её за руку и звонко зовущий наставницей.

Повзрослевший Хань Цзиньчжоу, возвращающийся из странствий и приносящий ей с таким трудом добытые целебные травы.

И, наконец, будущее, где он с отвращением бросает ей: Наставница, позаботьтесь о себе сами.

— С этого момента связь между нами как учителя и ученика разорвана.

Бай Чи сложила пальцы в мудру, и поток бледно-голубой духовной энергии рассеялся.

Хань Цзиньчжоу почувствовал, как невидимая нить, связывавшая его с наставницей, оборвалась.

— Раз так, — Хань Цзиньчжоу откинул полы халата и опустился на колени, глядя на наставницу, восседавшую в зале, — Хань Цзиньчжоу прощается с наставницей.

Он ударился лбом о пол, и когда поднялся, на его лбу уже темнел синяк.

Он поклонился во второй раз, в третий, и лишь после этого медленно встал.

Глаза Хань Цзиньчжоу покраснели, но уже через мгновение он опустил голову, словно стряхивая пыль с колен.

Затем он развернулся и широким шагом направился к выходу, полы его халата развевались за спиной.

Бай Чи сохраняла спокойствие. Она перевела взгляд на оставшихся двоих, и её молчаливое подгоняющее требование было понятно без слов.

Янь Цун дрожащими руками взял со стола свою вещь — отполированную до блеска фалангу пальца.

Свою собственную фалангу.

Он сам откусил её, когда не в силах был терпеть терзания ядовитых насекомых гу.

Бай Чи помнила, как тогда, ещё не достигнув ей пояса, Янь Цун потянул её за рукав и, делая вид, что ему всё равно, вложил эту кость ей в руку, смущённо пробормотав: У меня нет ничего,

кроме этого.

Но что толку? Разве он проявил хоть каплю жалости, когда подменил её лекарство?

Юнь Си поднял голову и уставился на неё. Внезапно человек, сидящий в зале, показался ему совершенно чужим.

— Наставница... можете ли вы сказать, в чем именно Юнь Си провинился? — он не хотел сдаваться и жаждал получить ответ.

Рука Бай Чи, державшая чашку с чаем, замерла. Она посмотрела на плавающие листья и вдруг почувствовала, что чай совсем потерял вкус.

Что сказать?

Сказать, что сейчас они ни в чем не виноваты, а плоды сегодняшнего дня — это семена, посеянные ими в прошлой жизни?

Бай Чи лишь опустила глаза и сдула чайники с поверхности чая, не произнеся ни слова.

Сердце Юнь Си ушло в пятки.

Сцепив зубы, он схватил свою вещь, швырнул жетон на пол и, не оглядываясь, покинул зал.

Теперь в зале остались только Бай Чи и Янь Цун.

— Вы не спросите о причине?

— Нет нужды.

Янь Цун отвел от неё взгляд, опустил на колени и поклонился.

— Желаю наставнице крепкого здоровья и долгой безмятежной жизни.

Бай Чи смотрела на уходящего Янь Цуна, оставаясь безучастной. В её душе лишь разливалось странное, невыразимое облегчение.

Скоро. Она была почти свободна от них.

Пик Любования Луной.

Когда Бай Чи прибыла туда, снаружи было пусто и тихо, даже мальчишки-слуги куда-то пропали.

Она прошла по галерее и оказалась перед главным залом.

У входа росли кусты бамбука, перевезенные когда-то с Пика Малого Бамбука. Бай Чи вспомнила свои юные годы.

На самом деле, у них с Чу Хэном тоже были светлые времена.

Если бы он сам пришел к ней и предложил разорвать их союз, честно признавшись, что больше не питает к ней чувств, она бы не стала унижаться и цепляться за него.

И тогда не пришлось бы в той, прошлой жизни, доходить до ненависти и вражды.

Бай Чи повернулась и толкнула двери зала.

За огромным столом, в объятиях холодного, облаченного в черное наставника, сидела прелестная ученица в розовом платье.

— Здесь ошибка, смотри, — Чу Хэн наклонился, обхватив руку Шэнь Чучу, и помог ей вывести иероглиф.

— Я устала, ученица больше не хочет писать, — заупрямилась Шэнь Чучу, надув губки.

Чу Хэну пришлось отложить кисть и с легкой улыбкой щелкнуть её по изящному носику: Ах ты...

Ушки Шэнь Чучу покраснели, она подняла на него полный смущения взгляд.

Воздух между ними был пропитан двусмысленностью.

Бай Чи тихо кашлянула.

— Кто там? — услышав звук, спросила Шэнь Чучу.

Подняв голову и увидев стоящую в дверях женщину, она побледнела как полотно.

— Нас... наставница.

— А-Чи, — Чу Хэн отстранился от Шэнь Чучу и широким шагом направился к Бай Чи. На его лице промелькнуло удивление, и он спросил: Когда ты вышла из уединения?

— Два часа назад.

В уголках глаз Бай Чи играла мягкая улыбка, она ответила на его вопрос совершенно спокойно.

Чу Хэн вдруг почувствовал, что в её поведении что-то изменилось, и, поджав губы, пояснил: Это моя новая ученица, Шэнь Чучу. Я только что учил её рисовать талисманы, не думай о лишнем.

— М-м, — сухо отозвалась Бай Чи.

— Да, наставница, у меня долго не получалось вывести этот талисман, — Шэнь Чучу тоже подошла, пытаясь улыбнуться, хотя лицо её все еще было белым.

— Сначала уходи, — Чу Хэн только теперь осознал присутствие других и вернул себе маску отстраненного наставника. Он повернулся к Шэнь Чучу, и голос его звучал мягко, но не допускал возражений.

— Наставник, я...

— Уходи.

Шэнь Чучу пришлось прикусить губу и, переполненная обидой, неохотно выйти.

Атмосфера в зале стала напряженной, воцарилась тишина.

Видя безразличие Бай Чи, Чу Хэн почувствовал легкое беспокойство.

Бай Чи негромко произнесла:

— Я пришла, чтобы расторгнуть наш союз.

Эти слова прозвучали как удар грома среди ясного неба. Чу Хэн широко раскрыл глаза, едва сдерживаясь, чтобы не выдать своего смутения.

— Ты... что ты сказала? — он с трудом подавил поднимающийся гнев и задал вопрос.

Бай Чи знала: он всё слышал, просто не хотел верить.

Не хотел верить, что это именно она первой заговорила о разрыве.

— Давай разойдемся мирно, — Бай Чи стерла улыбку и потеряла ноющее висок.

— Почему? Ты должна дать мне причину, — Чу Хэн сжал кулаки, неотрывно глядя на неё. Он не мог поверить.

Ведь перед самым её уединением они заключили клятву жизни и смерти, призвали небо и землю в свидетели, разослали приглашения всем друзьям.

Они договорились, что, как только она выйдет, они сыграют свадьбу.

Если бы не её внезапный недуг, заставивший закрыться в келье, она бы уже давно была его законной женой.

— Если тебе так нужна причина... — Бай Чи слегка усмехнулась, в её голосе сквозила насмешка, — я больше не питаю к тебе чувств.

Чу Хэн потянулся к ней, пытаясь схватить за плечи, но Бай Чи отступила в сторону.

— Не подходи, — она инстинктивно отпрянула на несколько шагов.

Чу Хэн застыл на месте, глядя на неё, и в его глазах отразилась боль.

— Это из-за Чучу? Я просто учил её рисовать талисманы, почему ты мне не веришь?

— Это не связано с другими людьми.

И она была права: после того как в ней пробудились воспоминания прошлой жизни, в её сердце действительно не осталось к нему ничего, кроме пустоты.

Она слегка улыбнулась:

— Давай расторгнем клятву.

— Нет... — Чу Хэн остался стоять на месте, его брови нахмурились, а в глазах застыла тень.

— Моё решение окончательно.

Бай Чи вынула из волос символ их былой любви — нефритовый гребень в форме цветка персика.

— Возвращаю.

На самом деле, перед смертью в прошлой жизни Бай Чи часто думала: у Шэнь Чучу самая заурядная внешность, посредственный уровень культивации, чем же она так привлекла Чу Хэна?

Бай Чи не могла понять: неужели Шэнь Чучу, просто используя память о будущем, смогла очаровать его? Но ведь никаких магических приемов соблазнения она не применяла.

Подумав еще, она пришла к выводу: человеческие сердца переменчивы.

Не было бы Шэнь Чучу — рано или поздно нашлась бы другая.

Чу Хэн смотрел на гребень, безмятежно лежащий на ладони Бай Чи, но не принимал его, лишь хмурился, сдерживая гнев.

Бай Чи смотрела на него, повторяя каждое слово:

— Возвращаю.

Чу Хэн по её взгляду понял, что пути назад нет, и наконец принял гребень.

Он стоял посреди огромного зала и вдруг почувствовал, что остался совсем один.

Наставник покинул этот мир, с бывшими друзьями пути разошлись, и теперь даже Бай Чи уходит от него.

Он вспомнил ту весеннюю пору, когда они были еще молоды и, путешествуя с наставником, случайно попали на свадьбу в обычной деревне.

Жених бережно держал невесту за руку, в его глазах светилась такая любовь.

Но он также помнил сумасшедшую женщину, которая ворвалась в зал.

Она была в свадебном наряде и, полная отчаяния, спрашивала жениха, не хочет ли он взять её в жены.

Но тот лишь заслонил собой невесту и с отвращением приказал слугам вышвырнуть женщину прочь.

Безумная горько рассмеялась и с размаху ударилась головой о столб перед входом, заливая свадебный пир кровью.

Перед смертью она проклинала изменника, моля о том, чтобы он ответил за её загубленную жизнь и нерожденного ребенка.

Гости замерли, и кто-то вздохнул: эта женщина была несчастна.

Тогда Чу Хэн притянул Бай Чи к себе, вставил ей в волосы этот гребень и тихо пообещал: А-Чи, я никогда тебя не предаю.

Он помнил, как Бай Чи улыбнулась — так застенчиво и нежно.

С какого момента... всё изменилось?

Чу Хэн пребывал в замешательстве.

Выйдя из зала, Бай Чи посмотрела на закатные лучи и глубоко вздохнула. В душе было полно облегчения.

Связь разорвана.

Отныне они чужие люди.

Пусть каждый идет своей дорогой, навстречу собственному счастью.

Если Чу Хэн хочет ворковать со своей ученицей — пусть. Она больше не станет стоять у них на пути.

Бай Чи сложила пальцы, вырвала куст бамбука и, не оглядываясь, ушла.

Сзади донесся удивленный возглас Шэнь Чучу:

— Наставник, куда делся мой бамбук?

Девушка, казалось, была расстроена:

— Я ведь каждый день его поливала, ждала, когда весной появятся ростки.

<http://bllate.org/book/21962/2281870>